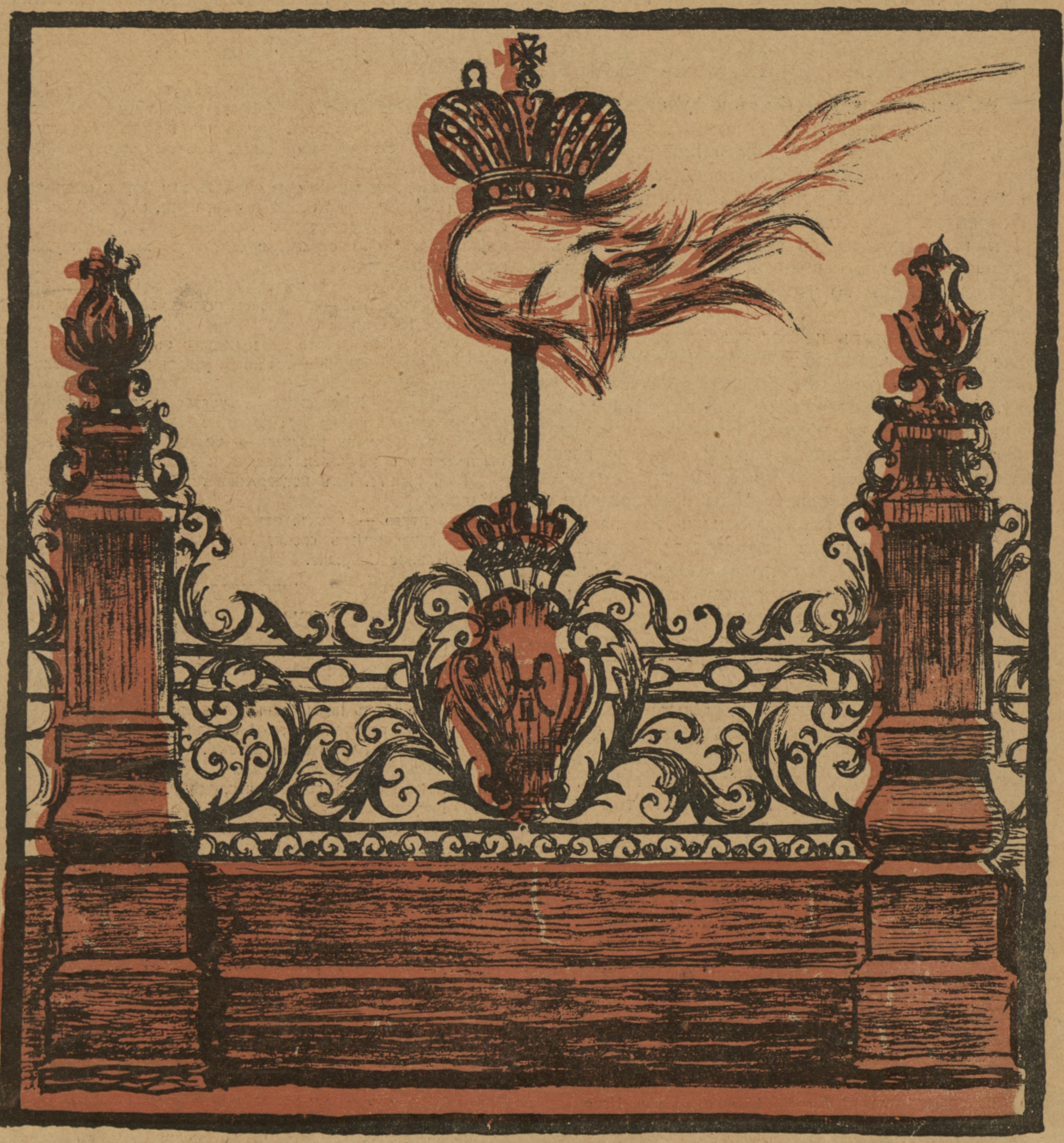
ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕСПУБЛИКА!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 30 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 35 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 11 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1917 17 МАРТА

Рис. А. Радахова.



СКАЗОЧКА.

— Былъ дворъ, на дворѣ — колъ, на колу — мочала... не начать ли сказочку сначала?
— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, увольте!

ЗАБИВАНІЕ ОСИНОВАГО КОЛА.

Рис. В. Лебедева

„Здѣсь безпокоится прахъ русской цензуры, сгорѣвшей 27 февраля въ яркомъ огнѣ русской революціи...“ — Спи, старый товарищъ, чтобъ черти утащили въ адъ твою гнилую душу! Земля тебѣ пухомъ изъ осколковъ стекла и обрѣзковъ жести!

МАНИФЕСТЪ НИКОЛАЯ II.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно съ славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ — повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

НИКОЛАЙ.

2-го марта 1917 года, 15 часа, въ гор. Псковѣ.
Скрѣпилъ министръ императорскаго двора **Фредериксъ.**

Прочелъ съ удовольствіемъ —

Аркадій Аверченко.

ЦѢПИ СБРОШЕНЫ.

Здравствуй, радостный свободный русскій читатель!

Привѣтствуя тебя, свободные сатириконцы даютъ аннибалову клятву и впредь черное называть чернымъ и всякаго негодяя торжественно короновать вѣнкомъ изъ крапивы и чертополоха.

Только теперь мы будетъ дѣлать это иначе: подгнившія веревки лопнули, руки освободились, и мы, откусивъ въ собственномъ рту опостылѣвшій Эзоповъ языкъ, радостно выплевываемъ его въ страшную святочную харю рухнувшаго романовскаго строя.

И отнынѣ заговоримъ свободно, безъ увертокъ, намековъ и подмигиваній,—да здравствуетъ свободное, въ мукахъ рожденное Россійское Слово!

Читатели! За девять лѣтъ нашего съ вами общенія вы привыкли вѣрить намъ — мы ни разу васъ не обманывали... Вѣрьте и теперь:

— Читатели! Все спасеніе, счастье и слава Россіи сейчасъ въ рукахъ новаго Временнаго Правительства, взявшаго на себя въ моментъ разрухи — тяжелую и отвѣтственную обязанность организаціи порядка и законности.

Имъ вѣрьте. Ихъ поддерживайте. Около нихъ организуйтесь.

Внѣ этого — мракъ, отчаяніе, могила.

Да здравствуетъ свободная Россія! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе.

Редакція.

КРАСНЫЙ ФЛАГЪ.

Надъ столицей красный флагъ,
Надъ столицей свѣтъ свободы,
Кличъ возставшаго народа:
«Кто не съ нами, тотъ нашъ врагъ!»
Надъ столицей красный флагъ!
Сколько радости въ глазахъ,
Какъ свѣтло сіяютъ лица,
Какъ гремитъ по всей столицѣ
Всероссійская гроза.
Сколько радости въ глазахъ.
Надъ хрустальною Невой
Зазвенѣла «Марсельеза»,
Тьму тяжелую разрѣзалъ
Голосъ, вольный и живой,
Надъ хрустальною Невой.
И струится красный флагъ,
Зацвѣтаетъ жизнь живая,
Вьется пляска огневая
Въ пыльной плѣсени бумагъ,
И Россію овѣваетъ
Символъ жизни — красный флагъ!

Лидія Лѣсная.

МАЛЕНЬКОЕ ИЗМѢНЕНІЕ.

— Послушайте! А какъ же теперь быть съ гимномъ «Боже, царя храни»?

— А очень просто: онъ не упраздняется; только послѣ перваго слова будутъ вставлять частицу «отъ».

ИСКРЫ И ПЕПЕЛЪ.

1.

Первые взлеты пернатыхъ.

Русская революція, а за ней и свобода — пришла такъ неожиданно, такъ быстро, что журналисты, писавшіе Эзоповымъ языкомъ, растерялись:

— Понимаете, — говорилъ одинъ, — у меня ощущеніе человѣка, всю жизнь ходившаго привычными ногами по привычной землѣ — и вдругъ этому человѣку дали крылья: подскочитъ онъ, сдѣлаетъ нѣсколько взмаховъ крыльями и снова побѣжитъ по землѣ. Въ воздухѣ прекрасно, но непривычно и страшновато.

2.

Привычный хомутъ.

Сила привычки — одинъ изъ самыхъ могучихъ неистребимыхъ факторовъ.

Одна пожилая дама при мнѣ сдѣлала замѣчаніе своей дочери... Это было какъ разъ перваго марта, когда пулеметы еще трещали на улицахъ, выбивая засѣвшихъ на крышахъ городовыхъ, но прохожимъ уже раздавались «Извѣстія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ», обсуждавшія вопросъ:

— Какъ поступить съ безработной династіей Романовыхъ?

Вотъ какое замѣчаніе сдѣлала пожилая дама своей дочери перваго марта:

— Ты сидишь до пяти часовъ утра за книгой. Окно освѣщено. Это опасно. Еще подумаютъ, что ты тутъ печатаешь прокламаціи!

3.

Веселая суматоха.

Расталкивая толпу солдатъ, рабочихъ и дамъ, сверху донизу увѣшанныхъ красными розетками, бѣжала пожилая женщина, изрѣдка утирая залитое слезами лицо.

— Гдѣ тутъ кинематографъ? — спрашивала она съ лихорадочнымъ возбужденіемъ.

— Что случилось? Почему ты плачешь?—съ участіемъ освѣдомился я.

— Это ужасъ что такое! Сейчасъ пришли ко мнѣ какіе-то переодѣтые солдатами и подъ видомъ обыска ограбили въ квартирѣ всѣ деньги и вещи.

— Такъ куда же ты спѣшишь?

— Жаловаться. Въ кинематографъ.

Взрывъ хохота колыхнулъ толпу. Засмѣялся и я.

— Матушка, въ умѣ ли ты?! При чемъ тутъ кинематографъ? Ты бы еще въ пробирную палатку побѣжала.

— Вы-то въ умѣ ли! — сердито отвѣтила она. — Нешто не знаете, что тутъ за угломъ въ кинематографѣ упомѣстился пикетъ милиціонеровъ.

И вѣрно. Мы забыли, что сейчасъ не «Глупышкинъ у парикмахера», а революція.

Пробѣгавшая женщина это помнила.

4.

Жареные орлы.

Веселая, бурно и буйно настроенная толпа бѣгала съ деревянными лѣстницами по Невскому, снимала съ вывѣсокъ «Поставщиковъ двора его величества», государственныхъ орловъ и, сваливая ихъ въ кучу, поджигала.

Я до сихъ поръ никогда не видѣлъ жареныхъ орловъ.

Могу сказать: эта жареная дичина скверно пахнетъ.

И знаете, гдѣ происходилъ этотъ кулинарный актъ? Какъ разъ противъ Аничкова дворца на тротуарѣ.

Если бы мнѣ сказали мѣсяцъ тому назадъ, что противъ Аничкова дворца толпа солдатъ съ красными розетками будетъ жарить государственныхъ орловъ — я бы сошелъ съ ума.

5.

Бездушная кукла.

Въ пробитомъ пулей окнѣ парикмахерской на Морской я увидѣлъ парикмахерскую куклу. Она была ранена пулей въ високъ, но, несмотря на это, жизнерадостно и снисходительно улыбалась, рисуясь своими роскошными бѣло-розовыми плечами.

Проходящій оборванецъ остановился рядомъ со мной, раздраженно пробормоталъ: «Ишь ты, живучая, стерва!» и, просунувъ палку въ разбитое окно, свалилъ спокойно улыбавшуюся куклу.

Или этотъ человѣкъ былъ поклонникъ гармоніи въ природѣ, или его возмутилъ и испугалъ этотъ стойкій неумирающій отъ ранъ аристократизмъ.

6.

Поняла.

Одна древняя старушка, нянька дѣтей моихъ знакомыхъ, узнавъ о томъ, что Николай Романовъ отрекся отъ престола, воскликнула съ грозной торжественностью, помахивая крючковатымъ указательнымъ пальцемъ:

— Такъ вамъ и надо, паршивцамъ! Не слушали царя-батюшку, бунтовали — вотъ онъ и отрекся отъ васъ!..

7.

Когда женщина обобщаетъ.

Глядя на проходящую толпу съ красными флагами, одна дама сказала задумчиво:

— Удивительная вещь! Всѣ народныя волненія и революціи почему-то происходятъ непремѣнно весной.

— Напримѣръ?

—Ну, это всегда же! Напримѣръ, возьмите наше 9 января, или у французовъ тоже... Взятіе Бастиліи — 14 іюня.

Она же сказала:

— У насъ, въ Россіи, нѣмцы такъ все захватили въ свои руки, что даже духовныя лица носятъ нѣмецкія имена!..

— Кто же именно?

— Митрополитъ, напримѣръ. Вдругъ называется — Питиримъ.

8.

Мальчишечка.

На углу Литейнаго и Кирочной, къ солдату подходитъ крохотный мальчикъ въ кацавейкѣ, укутанный материнскимъ байковымъ платкомъ.

Задираетъ мокрый покраснѣвшій носишко кверху и говоритъ:

— Солдатикъ, солдатикъ, арестуй моего папу.

Всѣ окружающіе охаютъ отъ ужаса: такой маленькій и уже продаетъ родного отца.

— Какой негодяй!

Потомъ выясняется: отецъ, городовой, самъ послалъ его къ солдатамъ, чтобы тѣ взяли его, какъ «добровольно безъ сопротивленія сдавшагося».

Азъ.

АЛЫЯ ЛЕНТЫ.

Можетъ быть, это почудился мнѣ
Отблескъ великаго яркаго чуда; —
Алыя ленты на сѣромъ сукнѣ,
Радость въ движеньи шумливаго люда?

Развѣ не сонъ эти злые костры —
Пасти, гдѣ черныя гибнутъ бумаги?
Развѣ не сонъ — что свѣтлы и остры
Въ вихрѣ угрозы блеснувшія шпаги?

Ближе къ окошку. Небо въ огнѣ.
Пламя кричитъ, какъ стенанье набата.
Алыя ленты на сѣромъ сукнѣ
Шепчутъ кому-то: «Не будетъ возврата».

Все свершено. Въ ожиданіи конца,
Въ жути легенды оставшейся сзади,
Мраморъ стоящаго хмуро дворца
Молитъ молчаньемъ своимъ о пощадѣ.

Поздно. Обломки лежатъ въ сторонѣ.
Что-то подъ гнѣвной рукою разбилось.
Алыя ленты на сѣромъ сукнѣ
Грозно и твердо сказали: «Свершилось!»

Арк. Буховъ.

СКАЗОЧКА.

I.

Жилъ былъ у бабушки черненькій козликъ.

II.

Напали на козлика красные волки.

III.

Остались отъ козлика рожки (Распутинскіе), да ножки (чтобы бѣжать въ Ливадію).

IV.

Вотъ и все. Кое у кого по усамъ текло, а кое-кому, при этомъ, по шеѣ попало.

А теперь спите, дѣтки, Ничего не бойтесь. Васъ охраняетъ народъ и армія.

Добрая бабушка.

ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ.

— О, знаешь, этотъ человѣкъ съ царемъ въ головѣ!
— Вотъ несчастный-то!

Рис. А. Радакова.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАРТНЕРЪ.

Шахъ, Абдулъ-Гамидъ и португальскій Мануэль: — А-а-а! Нашего полку прибыло! Вотъ и четвертый партнеръ для винта!!!

МАНИФЕСТЪ.

Принялъ державу власти я,
Рожденный въ бунтахъ заново;
Да здравствуетъ Великая Династія
Рабочаго Ивана Иванова!
Развѣ же, развѣ къ моему лицу
Порфира не идетъ горностаева?
Самодержецъ вышелъ на улицу,
Славьте каждыя уста его!..
Опоясанъ кожанымъ передникомъ,
Съ крѣпкобойнымъ въ рукахъ молотомъ,
Я самъ со своимъ наслѣдникомъ,
Со своимъ угодьемъ и золотомъ...
Отъ станка, бурава, доменной
Мнѣ и хлѣбъ и все нужное,
Власти моей домъ иной—
Телѣга желѣзно-гужная...
Кони — двухсотпудовые,
Забирайся всѣ разлученные,
И купцы, и бабы вдовыя,
И ребята, и которые — ученые...
Всѣмъ заготовлено мѣсто вамъ,
Для васъ кони цѣнные,
Въ сердцѣ каждаго пѣстованъ
Взявшій вожжи ременныя...
Всѣ вы — мои любимые.
Я и народъ и хвала его...
Никто не сожжетъ гербы мои,
Какъ сжегъ я орла двухглаваго...
Зубы на этотъ разъ тупы,
Вотъ раздавила гада стопа,
Въ моемъ гербѣ — заступы,
А кто же есть противъ заступа?
Мудрость-книга въ гербѣ моемъ,
Некому свѣта подъ спудъ нести —
Господи — мудрость, тебѣ поемъ.
Станетъ ли кто противъ мудрости?
Принялъ державу власти я,
Въ бунтахъ рожденный заново.
Да здравствуетъ Великая Династія
Рабочаго Ивана Иванова.

Валентинъ Горянскій.

8-е марта 1917 г.

ТЕХНИКА.

Людовикъ XVI выпрыгнулъ изъ автомобиля, посмотрѣлъ на Невскій и съ иронической улыбкой спросилъ:

— Это и есть революція?

— Что же васъ такъ удивляетъ? — обиженно пожалъ я плечами. — Да, это революція.

— Вы не сердитесь, голубчикъ...— примиряюще замѣтилъ Людовикъ, слегка придерживаясь за голову, которая послѣ одного казуса съ ней въ концѣ восемнадцатаго вѣка плохо держалась на плечахъ. — Это я съ непривычки. Я думалъ, что увижу толпы голодной черни...

— Почему черни? — съ нескрываемымъ національнымъ спросилъ я. — У насъ не Франція. У насъ все населеніе голодное. Мудрость продовольственной политики стараго режима уровняла всѣхъ въ правахъ голоданія. Монархизмъ монархизмомъ, а голоданіе, такъ сказать, было прямо по республиканской ситемѣ: всеобщее, прямое и явное.

— Скажите, — растерянно протянулъ Людовикъ, — а гдѣ же дерутся?

— Кто дерется?

— Ну, какъ кто? Съ одной стороны, возставшіе, а съ другой... Ну, какъ это у васъ называется... Ну, словомъ, защитники стараго порядка...

— А, вы насчетъ полиціи... Поштучно работаетъ. Такъ называемая Протопоповская система раздѣленія труда: одинъ на чердакѣ съ пулеметомъ, другой съ ружьемъ подъ воротами, третій просто въ частномъ домѣ съ револьверомъ...

— Странно. Въ мое время работали иначе... А что ваша Бастилія, знаменитая Петропавловская крѣпость? Съ какимъ навѣрное шумомъ рушатся ея твердыни и грозная цитадель падаетъ какъ...

— Нѣтъ ничего, мерси. Стоитъ. И шума особеннаго нѣтъ. Просто подойдутъ къ камерѣ и мѣломъ отмѣтятъ: эта для министра внутреннихъ дѣлъ, эта для его товарища, эта для министра путей сообщенія...

— И во мракѣ ночи, навѣрное, двигается толпа, ведущая ихъ къ мѣсту ихъ...

— Насчетъ мрака это вы напрасно. На той сторонѣ даже иллюминація: охранку жгутъ.

Людовикъ недовѣрчиво покосился на меня, вздохнулъ и пожевалъ губами.

— А голову чью-нибудь требуютъ? У насъ въ это время, бывало, подойдутъ къ министерскому дому, да какъ подымутъ крикъ: «Голову его, голову...»

— У насъ насчетъ этого осторожно. Боятся. А вдругъ возьметъ и отдастъ. Поди съ ней возись, съ министерской головой прежняго правительства...

— Почему-же хоть пѣсенъ-то не слышно... Ахъ, какъ у насъ умѣли пѣть, — слегка вздохнувъ, сказалъ Людовикъ, — въ это время...

— У насъ по старой привычкѣ: поютъ послѣ работы.

— Скажите, у васъ даже, кажется, движеніе не прервано?

— Больше грузовое только. Поѣзда хлѣбъ везутъ, а автомобили министровъ въ Думу. На Горемыкинѣ даже надпись поставлена: «Осторожно, скоропортящееся».

— А гдѣ же все-таки правительственныя войска? — нетерпѣливо спросилъ Людовикъ. — Рѣшительно не вижу.

— А это вотъ, что передъ нами.

— Э-эти?

— Ничего не понимаю. Какая-то безтолковщина!

Людовикъ недоумѣвающе оглянулся по сторонамъ и полѣзъ въ автомобиль.

Когда мы немного отъѣхали, онъ посмотрѣлъ мнѣ довѣрчиво въ глаза и спросилъ:

— Такъ это и есть теперь революція? Безъ труповъ на фонарныхъ столбахъ, безъ грохота падающихъ зданій, безъ...

— Это и есть, — кивнулъ я головой.

Онъ помолчалъ, смахнулъ перышко съ бархатнаго камзола и восхищенно шепнулъ:

— Какъ далеко шагнула техника...

Арк. Буховъ.

Рис. Н. Радлова.

ПЕРЕРЫВЪ ВЪ СООБЩЕНІИ.

Вильгельмъ: — Что за безобразіе! Почему мы уже пятый день не получаемъ изъ Царскаго Села радіо-телеграфныхъ „свѣдѣній“?!.

Гинденбургъ: — Имъ не до насъ теперь, Ваше Величество!

Рис. Ре-ми.

ПРОЕКТЪ ПАМЯТНИКА ГЛАВНЫМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

МОЙ РАЗГОВОРЪ СЪ НИКОЛАЕМЪ РОМАНОВЫМЪ.

(Изъ воспоминаній).

Аркадія Аверченко.

Однажды въ началѣ мая 1916 года (числа точно не помню, я былъ приглашенъ по телефону пріѣхать въ Царское Село.

Звонилъ адъютантъ бывшаго царя, графъ Чубатовъ:

— Государь очень хочетъ познакомиться съ вами; пріѣзжайте завтра утромъ запросто. Форма одежды — жакетъ.

На другой день ровно въ 12 часовъ утра я встрѣтился съ царемъ на усыпанной гравіемъ дорожкѣ сада, примыкающаго къ царскосельскому дворцу.

— Вотъ вы какой! — привѣтствовалъ меня Николай. — Я думалъ вы старше.

— Это и для меня удивительно, ваше величество, — возразилъ я, — какъ я еще не превратился въ дряхлаго старика? При нашихъ дурацкихъ порядкахъ человѣкъ въ 20 лѣтъ юможетъ колесомъ согнуться!

— А что? — насторожился царь, бросая на меня недоумѣвающій взглядъ исподлобья.

— Цензура душитъ. Прямо силъ нѣтъ.

— Неужели? Я объ этомъ и не зналъ, — мягко замѣтилъ Николай (вообще, въ обиходѣ онъ былъ чрезвычайно мягокъ и вѣжливъ).

— Ну, какъ же. Прямо дышать нельзя.

— Почему-то этотъ разговоръ былъ ему не совсѣмъ пріятенъ. Но онъ не показалъ виду и деликатно перевелъ разговоръ на другое:

— Читалъ ваши сочиненія. Мнѣ нравятся. Много есть смѣшного.

Я тоже читалъ его произведенія: манифесты, рескрипты и прочее. Но мнѣ они не нравились, хотя въ нихъ было еще больше смѣшного, чѣмъ въ моихъ разсказахъ.

Конечно, я не сказалъ этого вслухъ, но про себя подумалъ: «А что, если поговорить съ нимъ о дѣлахъ россійскихъ совершенно откровенно, по-душамъ, безъ утайки, называя вещи своими именами, критикуя все плохое и безъ увертокъ освѣщая всѣ недостатки?»

Правда, для бесѣды съ царемъ это была не совсѣмъ удобная тема, и отъ нея за версту несло безтактностью, но я подумалъ: «Мы здѣсь только вдвоемъ, насъ никто посторонній не слышитъ, а если бы даже что-нибудь и вышло, то я могу отъ всего отпереться. Знать, молъ, ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, а съ царемъ бесѣдовалъ только о жаркой погодѣ и о разведеніи шампиньоновъ».

Поди-ка потомъ докажи, что нѣтъ.

— Ваше величество! — воскликнулъ я въ приливѣ какого-то неукротимаго неожиданно нахлынувшаго экстаза. — Позвольте мнѣ поговорить съ вами откровенно!

— Сдѣлайте одолженіе, — спокойно сказалъ Николай, протягивая мнѣ портсигаръ. — Вотъ скамеечка — присядемъ. Ну-съ?

Рис. В. Лебедева.

ЗА ОТСУТСТВІЕМЪ СПРОСА ФАБРИКА ЗАКРЫТА.

— А вѣдь какъ торговали при Романовыхъ!

— Ваше величество! конечно, не мое дѣло вмѣшиваться, но я долженъ сказать: съ правительствомъ у васъ что-то неладное!

Онъ слегка поднялъ одну бровь и характернымъ, одному ему присущимъ движеніемъ, потянулъ книзу усъ:

— А что?

— Да какже! Неужели, вы сами не видите, ваше величество?! Развѣ это министры? Дуракъ на дуракѣ, жуликъ на жуликѣ!

Онъ снисходительно улыбнулся въ усъ.

— Вы еще очень молоды, Аркадій Тимофеевичъ, чтобы судить ихъ. Увѣряю васъ, это все достойные люди.

— Ну, полноте — достойные! Вся Россія стономъ-стонетъ отъ этихъ достойныхъ людей. Думу они совершенно игнорируютъ, продовольствіе разстраивается, армія воюетъ почти голыми руками, внутри страны все задавлено — народъ ропщетъ — неужели вы этого не знаете?!

— Нѣтъ! — рѣзко, почти грубо воскликнулъ онъ.

— Такъ знайте! — разгорячился и я въ свою очередь. — Должны же вы знать объ этомъ! Не забывайте, что васъ называютъ Помазанникомъ. Не зря же васъ мазали, прости Господи!

— Конечно, не зря,—пожалъ онъ плечами.—Григорій Ефимовичъ говоритъ, что на мнѣ почіетъ благодать Божія.

— Свинья онъ, вашъ Григорій Ефимовичъ,—отрывисто сказалъ я. — Послушайте, дорогой мой, ну, допустимо ли это? Возьмемъ того же «Григорія Ефимовича», какъ вы его называете. Вѣдь вы, все-таки, царь, и Александра Ѳедоровна царица—ну, допустимо ли, чтобы вы оба сдѣлались посмѣшищемъ всей Европы и Америки? Ну, можно ли допускать, чтобы это грязное животное, съ наружностью банщика и ухватками конокрада бродило по вашимъ дворцамъ, заходя во всѣ спальни, съ видомъ своего человѣка?! Вы меня простите, Николай Александровичъ, я, можетъ быть, говорю рѣзче, чѣмъ нужно, но... Неужели вы сами не чувствуете всего этого?! Вѣдь вы человѣкъ не глупый, я знаю, и если бы не ваши подхалимы-совѣтники...

— Да Григорія я, пожалуй, прогоню, — задумчиво сказалъ царь, гася сапогомъ докуренную папиросу.

— Мало! Ваше величество — этого мало. Нужно подумать не только о себѣ, но и о великой Россіи!

Онъ опустилъ голову и прошепталъ:

— А что же я еще могу сдѣлать? Кажется, все дѣлаю.

Я сказалъ отрывисто и жестко:

— Дайте отвѣтственное министерство!

— Но вѣдь тогда мой авторитетъ, какъ Помазанника Божія, будетъ поколебленъ...

— А какой вамъ дуракъ это сказалъ? Наоборотъ, возрастетъ. Вы сразу сдѣлаетесь популярнымъ государемъ. Ахъ, ваше величество! Если бы вы знали, какъ легко государю сдѣлаться популярнымъ! Мнѣ, частному человѣку, нужно десятокъ лѣтъ употребить на то, чего вы можете достичь въ одинъ день. Народъ добръ, кротокъ и незлопамятенъ. Дайте отвѣтственное министерство, исполните свой же манифестъ 17 октября (вѣдь обѣщали же — да вѣдь васъ на рукахъ носить будутъ! Вотъ, теперь вы безъ многочисленной охраны носъ на улицу боитесь высунуть, а тогда — гуляйте себѣ пѣшкомъ по Невскому отъ 2 до 4 по солнечной сторонѣ—и вы увидите, какой восторгъ будетъ васъ сопровождать. Трудно вамъ дать, что нужно? Эхъ, будь я царемъ!

— Такъ вы думаете: дать отвѣтственное министерство? — спросилъ царь, наморщивъ сосредоточенно рыжеватыя брови.

— Чего тутъ думать! Я не индюкъ. Это и безъ думанья ясно, какъ палецъ.

— Ну... попробуемъ. Такъ и быть. Послушаю васъ, а тамъ будетъ видно...

Онъ взялъ меня подъ-руку и повелъ во дворецъ.

Черезъ 10 минутъ указъ о назначеніи отвѣтственнаго передъ Думой и народомъ министерства былъ нами составленъ и продактированъ.

Николай позвонилъ:

— Отправить для распубликованія!

. . . . . .

P. S. Все это было бы, если бы царь захотѣлъ со мной разговаривать и послушался бы меня въ свое время.

А такъ какъ онъ разговаривать со мной не хотѣлъ, преклоняя, вмѣсто этого, ухо къ устамъ холоповъ, льстецовъ и лизоблюдовъ — то вотъ оно все такъ и вышло!

Пусть пеняетъ самъ на себя.

Арк. Аверченко.

Рис. Ре-ми.

Рис. В. Лебедева.

БЫВШІЕ...

— Теперь я понимаю, что значитъ: „объединенный кабинетъ"!

ВОЗСТАНАВЛИВАЮ.

Моя книга «Облако въ штанахъ» была послана въ цензуру подъ первоначальнымъ названіемъ «Тринадцатый апостолъ». Помѣщаю изъ этой изуродованной въ первомъ и кастрированной во второмъ изданіи книги — 75 строкъ:

Я,
обсмѣянный у сегодняшняго племени,
какъ длинный,
скабрезный анекдотъ,
вижу идущаго черезъ горы времени,
котораго не видитъ никто.

Гдѣ глазъ людей обрывается куцый —
главой голодныхъ ордъ,
въ терновомъ вѣнцѣ революцій
грядетъ шестнадцатый годъ.

А я у васъ — его предтеча;
я — гдѣ боль вездѣ;
на каждой каплѣ слезовой течи
распялъ себя на крестѣ.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжегъ душу, гдѣ нѣжность растили.
Это труднѣе, чѣмъ взять
тысячу тысячъ Бастилій!

И, когда,
приходъ его
мятежомъ оглашая,
выйдете къ спасителю —
вамъ я
душу вытащу,
растопчу,
чтобъ большая,
и окровавленную дамъ, какъ знамя!

Вдругъ
и тучи
и облачное прочее
подняло на небѣ невѣроятную качку,
какъ будто расходятся бѣлые рабочіе,
небу объявивъ озлобленную стачку.

Громъ изъ-за тучи, звѣрѣя, вылѣзъ,
громадныя ноздри задорно высморкалъ;
небье лицо секунду кривилось
суровой гримасой желѣзнаго Бисмарка.

Кто-то,
запутавшись въ облачныхъ путахъ.
вытянулъ руки къ кафе
будто по-женски
нѣжный, какъ будто,
и будто бы пушки лафетъ.

Вы думаете
это солнце нѣжненько
треплетъ по щечкѣ кафе?!
Это опять, разстрѣлять мятежниковъ
грядетъ генералъ Галифе!

Выньте, гуляющіе, руки изъ брюкъ —
берите камень, ножъ или бомбу,
а если у котораго нѣту рукъ —
пришелъ чтобъ и бился лбомъ бы!

Идите, голодненькіе,
потненькіе,
покорненькіе,
закисшіе въ блохастомъ грязненькѣ!
Идите!
Понедѣльники и вторники
окрасимъ кровью въ праздники!

Чтобъ флаги трепались въ горячкѣ пальбы,
какъ у каждаго порядочнаго праздника —
выше вздымайте, фонарные столбы
окровавленныя туши лабазниковъ!

Изрутивался,
вымаливался,
рѣзалъ,
лѣзъ за кѣмъ-то
вгрызаться въ бока.
На небѣ красный, какъ марсельеза,
вздрагивалъ, околѣвая закатъ.

Пускай землѣ подъ ножами припомнится,
кого хотѣла опошлить!
Землѣ,
Обжирѣвшей, какъ любовница
которую вылюбилъ Ротшильдъ!

В. Маяковскій.

Іюль 1915 г.

КУДА КОНЬ СЪ КОПЫТОМЪ, ТУДА И РАКЪ СЪ КЛЕШНЕЙ.

Говорятъ, что директоръ бывшихъ императорскихъ театровъ В. Теляковскій началъ свою покаянную рѣчь артистамъ и хористамъ, такимъ популярнымъ обращеніемъ:

— Товарищи!

По этому поводу одинъ хористъ недовольно замѣтилъ другому:

— Вотъ единственный недостатокъ новаго режима!

— Какой?

— Да всякая . . въ товарищи лѣзетъ.

Волкъ.

МАРТОВСКОЕ.

Умеръ хамъ.

Всю ночь гремѣли выстрѣлы...
А утромъ на голубое небо вышло солнце.
На улицахъ 1-й день Пасхи.
— Воскресъ Христосъ, воскресъ!.. — звучитъ въ улыбкахъ, взглядахъ, въ радостномъ шумѣ...
Дымятся развалины заплеванныхъ клоповниковъ.
Пало величайшее хамство!

Два слова.

Ѣдетъ возъ съ сѣномъ. На сѣнѣ сидитъ старикъ-крестьянинъ.
Толпа кричитъ:
— Уррра, дѣдъ!..
Старикъ вскакиваетъ на ноги, низко кланяется и плачетъ.
— Чего ты?
— Спасибо народу!..

Сила привычки.

Переодѣтый околоточный (уходя отъ знакомыхъ):
— Давайте красненькую за то, что я переночевалъ у васъ безъ прописки.

Фарсъ.

— Ихъ превосходительство дома?
— Нѣту.
— А гдѣ они?
— Въ квартирѣ напротивъ. Подъ кроватью...

Tempora mutantur.

Во время оно министры приказывали арестовывать бывшихъ студентовъ, а нынѣ студенты арестовываютъ бывшихъ министровъ.

Лирикъ.

Громила на пепелищѣ охранки (со вздохомъ):
— Какъ жаль, что не спасли альбомы. Сгорѣли фотографіи друзей, любимыхъ женщинъ...

Парадоксальная разсѣянность.

Редакторъ:
— Эту статью не пропустятъ въ цензурѣ.
— Что вы, Богъ съ вами! Цензуры вѣдь больше нѣтъ.
— Вотъ именно поэтому, и не пропустятъ: некому пропустить.

Красное.

1-й цензоръ (съ надеждой въ голосѣ):
— Зачѣмъ вы взяли красный карандашъ?
2-й цензоръ (краснѣя):
— Снесу дѣтишкамъ. Просили. Хотятъ нарисовать себѣ красное знамя...

Антиподы.

— Да, батенька, дожили, нечего сказать...
— Слава тебѣ, Господи, что наконецъ-то дожили!

Красная Борода.

АНЕКДОТЪ 1-го МАРТА.

Разсказываютъ, что когда начальника петроградской Автомобильной Школы генерала Секретева арестовывали, онъ, чуя недоброе, отозвалъ двухъ солдатъ-автомобилистовъ и сказалъ имъ:

— Товарищи! (?) Я всегда къ вамъ хорошо относился. Знаете что? Я разрѣшаю вамъ пить чай въ офицерскомъ собраніи вмѣстѣ съ офицерами...

Солдаты были такъ польщены этой царственной милостью, что, растроганные, еле сдерживая готовыя хлынуть слезы, — все-таки арестовали демократа-генерала, составившаго себѣ, какъ говорятъ, за короткое время трехмилліонное состояніе.

Пушка.

НОВЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Владѣй Фаддей моей короной.

* * *

За моремъ телушка — полушка, а у насъ и отъ всей-то телушки осталось полъ-ушка.

* * *

Дуракъ черному радъ.

* * *

У семи нянекъ человѣкъ безъ престола остался.

* * *

Новый министръ сидитъ чуть не на тронѣ, а старый — въ министерскомъ павильонѣ.

* * *

Стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ Вильгельму изъ Царскаго Села успѣютъ обо всемъ донести.

* * *

Дали бабѣ киселя — стала баба весела. Дали бабѣ «киселя» въ кавычкахъ, анъ это не въ ея привычкахъ.

* * *

Пулеметы на крышѣ, анъ, Богъ-то еще выше.

* * *

Безъ Бога не до порога, а коли Распутинъ — богъ, вотъ те и споткнулся о порогъ.

* * *

Заладила ворона Якова одно про всякаго: прочелъ съ удовольствіемъ, да прочелъ съ удовольствіемъ. А какое ужъ тутъ удовольствіе?

Медуза-Горгона.

БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА.

Настроеніе очень повышенное. Произведенъ большой выпускъ эсъ-эровъ. Съ Александро-Ѳедоровскими спросъ превышаетъ предложеніе. Этотъ товаръ предпочитаютъ держать на рукахъ. Отмѣчается рѣзкое паденіе Протопоповскихъ и сухомлиновскихъ — «Продародина». Впрочемъ, ожидаютъ краткаго и рѣзкаго ихъ «повышенія», съ нѣкоторымъ колебаніемъ наверху. Николо-Романовскія совсѣмъ безъ спроса....

Заяцъ.

КЪ РИСУНКАМЪ НА СТРАНИЦѢ 12.

Тутъ нѣтъ никакого хвастовства и самолюбія, но, по совѣсти, мы должны признать, что у «Сатирикона» есть какое-то верхнее чутье ко всему, что еще не появилось, что еще незамѣтно носится въ воздухѣ, что еще назрѣваетъ, но не созрѣло и поэтому простому глазу не видимо.

Никто еще ничего не знаетъ, всѣ спокойно ходятъ въ театры, ѣдятъ, работаютъ и размножаются, а «Сатириконъ» вдругъ потянетъ носомъ воздухъ, забезпокоится, забѣгаетъ и начнетъ выкрикивать слова—для многихъ неожиданныя и не совсѣмъ, казалось бы, въ данный моментъ умѣстныя.

Проходитъ два-три мѣсяца — и вдругъ по Россіи страшнымъ стономъ прокатывается какое-то огромное событіе.

Чуда тутъ, конечно, никакого нѣтъ,—просто повышенная нервность, позволяющая ощущать неощутимое для простого здороваго организма.

Развѣ ожидалъ кто-нибудь 19 іюля 1914 года? За недѣлю еще всѣ были спокойны.

А въ апрѣлѣ 1914 года за 4 мѣсяца до войны сатириконцы выпустили спеціальный «нѣмецкій» номеръ такого содержанія, что германское посольство запросило русское министерство иностранныхъ дѣлъ: «Почему русское правительство допускаетъ такой гнѣвный полный яростной ненависти тонъ по отношенію къ дружественному германскому государству? И каковы причины такого тона?»

Это безпокойство нѣмцевъ было вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что они-то уже знали о готовящейся

войнѣ, но никакъ не предполагали, что кто-то другой учуетъ ее верхнимъ чутьемъ, безо всякаго осязательнаго наружнаго повода къ какимъ бы то ни было подозрѣніямъ.

Въ послѣднее время (декабрь 1916 — январь 1917) старый толстый «Сатириконъ» тоже обнаружилъ странное безпокойство: потянулъ носомъ воздухъ, подобрался и вдругъ далъ цѣлый рядъ такихъ необычныхъ для него, казалось бы неумѣстныхъ въ данный моментъ рисунковъ, что ... цензура ни одинъ изъ нихъ не пропустила.

Такъ какъ они имѣютъ извѣстный историческій интересъ и солидно подтверждаютъ наличность нашего удивительнаго верхняго чутья (Боже насъ сохрани — мы не хвастаемъ, а единственно для исторіи), то мы печатаемъ нѣкоторые изъ рисунковъ (см. эту стр.), уменьшивъ ихъ для экономіи мѣста.

Полюбуйтесь: развѣ эти сотни рукъ, тянущихся къ думѣ (рисунокъ сдѣланъ въ началѣ января), развѣ этотъ буревѣстникъ, вылетѣвшій въ моментъ величайшей тишины и угнетенности, развѣ этотъ мужичекъ, цѣлящійся прямо въ лобъ «зубра», развѣ эта провиденціальная подпись подъ яростнымъ Сатирикономъ, подгрызающимъ одинъ изъ прутьевъ цензурной клѣтки—развѣ все это не доказываетъ, что въ мірѣ существуетъ даръ предвидѣнія и пророчества?

Неудивительно, что ни одинъ изъ этихъ рисунковъ не былъ пропущенъ цензурой, на томъ основаніи (по объясненію цензора), что:

— Это сейчасъ совершенно неумѣстно.

Вотъ тебѣ и неумѣстно.

Сатириконъ.

РИСУНКИ, ЗАРѢЗАННЫЕ ЦЕНЗУРОЙ (ДЕКАБРЬ — ЯНВАРЬ).

БУРЕВѢСТНИКЪ.

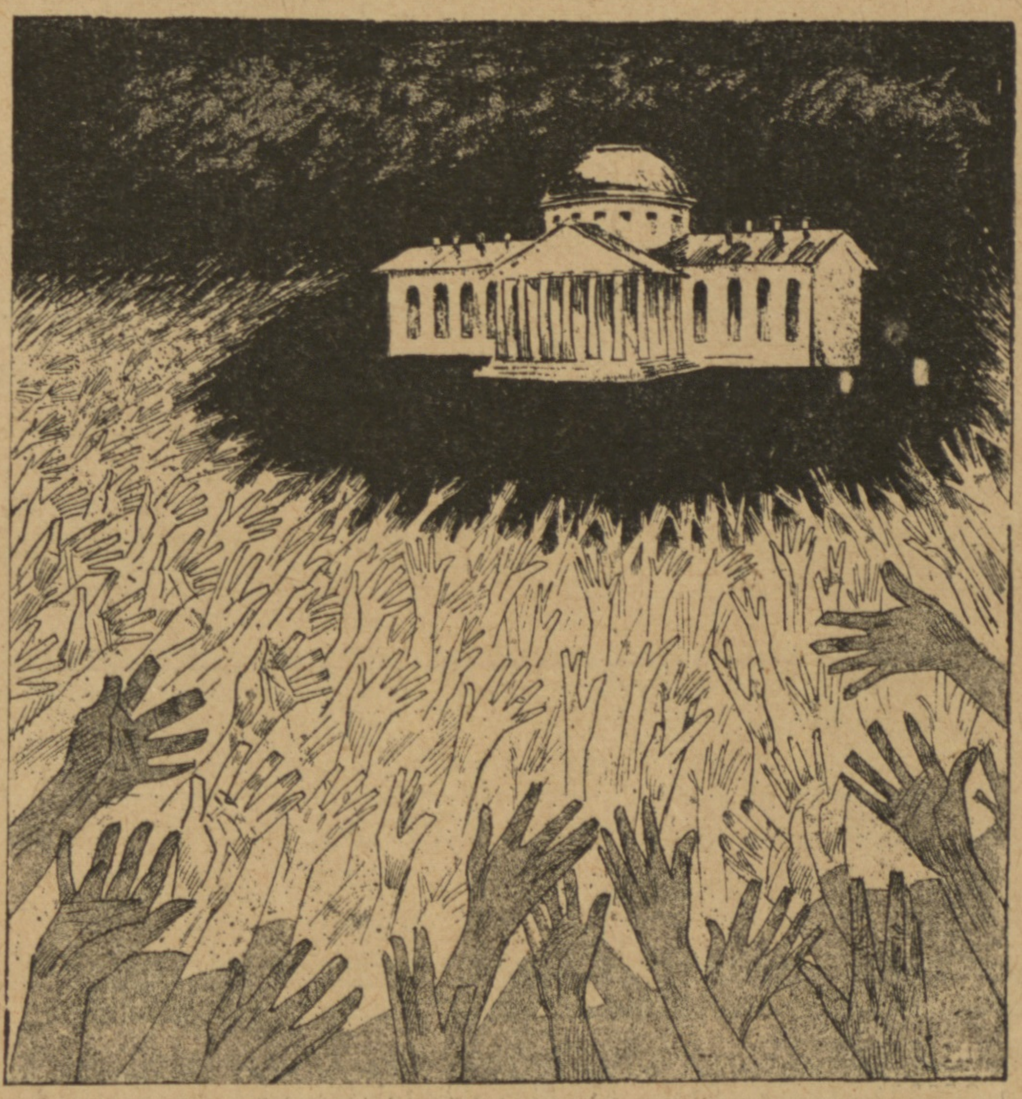
Изъ „Зоологіи“ Брэма: „Буревѣстники появляются всегда передъ большой бурей“...

ЦЕНЗУРНАЯ КЛѢТКА.

Сатириконъ: — Терпѣніе, терпѣніе, читатель! Уже недолго осталось ждать!..

БОЛЬШОЙ ЗУБРЪ И МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Пусть онъ цѣлится вѣрнѣе. Пусть не дрогнетъ его рука!



... ВЪ ЧЕМЪ ВЫХОДЪ И СПАСЕНІЕ.

РУССКІЯ РЕФОРМЫ.

(Опытъ исторической характеристики.)

Реформы Петра Великаго отличались прямотой и рѣшительностью. Прежде всего новый царь рѣшилъ, что русскому монарху необходимо заняться какимъ-нибудь ремесломъ.

Въ этомъ его убѣдили иностранцы, жившіе въ Москвѣ.

— Не хорошо! Царь, а дѣла никакого не знаешь . . .

— Мнѣ и не нужно.

— Какъ не нужно! Вѣдь ты ничего не умѣешь. Попробуй-ка столъ выстругать. А? Или лодочку смастерить. Вотъ видишь, никакого образованія въ тебѣ и нѣтъ. Сѣрый, такъ сказать, элементъ, а не сознательный товарищъ.

— Да мнѣ не нужно! У меня царство есть. Зачѣмъ же мнѣ плотникомъ или столяромъ быть?

— Товарищъ Петръ, ты не дальновиденъ. Сегодня царство, завтра царство, а послѣзавтра можешь по шпаламъ пойти . . . Ремесло необходимо.

Согласившись съ доводами иностранцевъ, Петръ предпринялъ большую образовательную поѣздку. За границей московскій царь соорудилъ изрядное количество ботиковъ, посадилъ большое множество дубковъ и вернулся готовымъ реформаторомъ.

Прежде всего Петръ занялся бритьемъ бородъ. Парикмахеры поднесли царю благодарственный адресъ и какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, обратились къ сенату съ предложеніемъ измѣнить царскій титулъ на императорскій. Реформы судебныя отличались чисто демократическимъ характеромъ; предугадывая будущее равенство всѣхъ россійскихъ гражданъ, Петръ распорядился награждать смертной казнью всѣхъ, до собственнаго сына включительно.

Большія измѣненія внесъ Петръ въ архаическія формы русскаго брачнаго права. Какъ извѣстно, Петръ женился на служанкѣ пастора Глюка, бывшей долгое время въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Меньшикову. Когда бояре, сторонники его первой разведенной жены, обратились къ императору съ протестомъ, Петръ отвѣтилъ:

— Лучше быть участникомъ хорошаго дѣла, чѣмъ собственникомъ плохого. Промедленіе во времени смерти подобно.

* * *

Реформы императора Николая I такъ же отличались прямолинейностью и яснымъ сознаніемъ цѣлей: часть декабристовъ была сослана въ Сибирь, а нѣкоторое количество повѣшено.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ сановники стали поговаривать о необходимости законодательныхъ реформъ, государь удовлетворилъ законныя требованія народа и учредилъ корпусъ жандармовъ. Исторія возникновенія этого института

Рис. Миссъ.

передается историками не точно. Когда въ день представленія государю, первый жандармъ явился во дворецъ, слѣдомъ за нимъ съ рыданіями и криками вбѣжала вдова и нѣсколько сиротъ. Жандармъ обокралъ этихъ сиротъ и нанесъ наивысшее оскорбленіе несчастной вдовѣ. Николай I вынулъ изъ кармана платокъ и далъ его жандарму, предложивъ утереть слезы вдовы и сиротъ.

Николай I любилъ поэзію и еще больше любилъ цензуру. Пушкину не разъ приходилось привозить ему ночью гранки и вступать въ долгія пререканія.

— Не пропущу! Циркуляръ такой есть!

— Ваше величество, это лирика, самая обыкновенная лирика . . .

— Все равно! Не пропущу!

— Ваше величество, вѣдь это стихи. Ну, черкайте передовицы «Рѣчи» или «Русской Воли», а вѣдь это стихи . . .

— Не пропущу — и довольно! . .

Самой существенной реформой Николая I явился указъ, хранящійся въ сенатѣ, но до сихъ поръ не опубликованный: о повсемѣстномъ допущеніи и безпрепятственномъ открытіи домовъ любви. Благодарное населеніе хлынуло въ новыя государственныя учрежденія, и совмѣстно съ домовой администраціей составило вѣрноподданническія грамоты. Одна изъ этихъ грамотъ хранится въ государственномъ архивѣ.

«Повергаемъ къ стопамъ вашего величества преисполненныя радостью сердца. Отнынѣ любовь стала достояніемъ всѣхъ гражданъ государства россійскаго, и при низкомъ курсѣ ассигнацій, елико доступно, всеобщей сдѣлалась. Собраніе депутатовъ такого-то уѣзда въ лицѣ предводителя Бенкендорфа младшаго. Скрѣпила экономка Амалія Флюсъ».

* * *

Александръ II производилъ реформы съ быстротой и плодовитостью профессіональнаго фельетониста провинціальной газеты. Каждое утро придворные встрѣчали государя низкими поклонами и привѣтствіями.

— Добраго утра, ваше величество! Какую изволили реформу за ночь изготовить?

Мало-по-малу люди хорошаго общества начали протестовать.

— Куда мы идемъ? Къ чему ведутъ всѣ эти реформы? Вѣдь это гибель! Гибель Россіи!

Александръ II, узнавъ о недовольствѣ дворянства, главнымъ образомъ прибалтійскаго, произнесъ въ Зимнемъ дворцѣ рѣчь:

— Господа! Я позволю себѣ привести вамъ одно полезное сравненіе. Всѣ вы играете въ карты?

— Играемъ! Играемъ!

— Представьте себѣ, что я играю съ народомъ въ популярную игру «дураки». Мнѣ бросаютъ валета, а я прихлопываю его дамой. Мнѣ подсунутъ даму, я брошу короля, — а когда мнѣ дадутъ короля, я придушу это тузомъ. Поняли?

— Ничего не поняли, ваше величество.

— А вѣдь все такъ просто: нужно было дать судебную реформу, а я ее прикрылъ отмѣной несмѣняемости судей. Нужно было отмѣнить крѣпостное право, а я его побилъ надѣльнымъ выкупомъ. Устроили мы земскую и городскую реформу, а я ее козырнымъ тузомъ — третьимъ отдѣленіемъ и прихлопнулъ! Понимаете — «дураки»?

Послѣднія слова государя были поняты дворянствомъ двояко.

* * *

Первой реформой императора Николая II было—покровительство искусствамъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на балетъ, получившій значеніе высшаго совѣта, что и было занесено въ терпѣливые анналы исторіи. Придерживаясь обычныхъ правилъ всякаго разумнаго сельскаго хозяина, ведущаго точный учетъ, была устроена всероссійская перепись.

Дальнѣйшіе годы приносили реформы малозначущія и имѣвшія только мѣстный характеръ. Въ 1905 году былъ обнародованъ манифестъ, даровавшій населенію цѣлую коллекцію свободъ. Къ осуществленію предначертаній манифеста было приступлено незамедлительно. Тюрьмы наполнились, газеты были засыпаны штрафами, огнестрѣльные снаряды были розданы населенію на площадяхъ. Граждане, получившіе государственные снаряды, отправлялись въ санитарныхъ каретахъ въ госпитали и на кладбища. Съ цѣлью укрѣпить незыблемыя основы новаго строя были организованы спеціальныя экспедиціи, добившіяся самыхъ реальныхъ результатовъ. Реформы произвели сильное впечатлѣніе на освобожденныхъ гражданъ.

Послѣдующіе годы проходили въ спокойной законодательной работѣ; реформаторская дѣятельность касалась только духовной жизни. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ предполагавшихся реформъ не получили осуществленія только изъза трагической случайности, какъ, напримѣръ, проектъ о возстановленіи въ Россіи патріаршества. Наиболѣе вѣроятнымъ кандидатомъ на постъ всероссійскаго патріарха былъ Г. Е. Распутинъ. Симановичъ (такъ по крайней мѣрѣ предполагалось), долженъ былъ оставить клубную дѣятельность и перейти въ синодъ, а Манасевичъ-Мануйловъ мечталъ о миссіонерской дѣятельности. Рядъ другихъ намѣченныхъ реформъ не могъ осуществиться въ силу государственнаго переворота. Такъ, напримѣръ, предполагалось замѣнить подоходный налогъ обязательнымъ потребленіемъ «Куваки», и паспортную систему въ городахъ — институтомъ участковыхъ пулеметовъ.

Въ силу уважительныхъ причинъ реформаторская дѣятельность престола не была доведена до конца. Во всякомъ случаѣ — что могли, сдѣлали. Аминь.

Бор. Мирскій.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

За составленіе, напечатаніе и распространеніе настоящаго номера «Новаго Сатирикона» —

Приговариваются:

Редакторъ Аркадій Аверченко — къ лишенію всѣхъ правъ и смертной казни черезъ повѣшеніе.

Секретарь Ефимъ Зозуля — къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и повѣшенію.

Сотрудники: А. Радаковъ, Ре-ми, В. Лебедевъ, Б. Антоновскій, Н. Радловъ, Арк. Буховъ, В. Горянскій, Н. Бреневъ, Б. Мирскій, Лидія Лѣсная и др. — къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь на срокъ отъ 18—20 лѣтъ.

Типографія, въ которой печатается настоящій номеръ, закрывается навсегда, владѣлецъ ссылается на поселеніе, метранпажъ и наборщики подлежатъ арестанскимъ ротамъ отъ 2 до 6 лѣтъ.

Газетчики за распространеніе номера подлежатъ штрафу не свыше 500 рублей, съ замѣной и т. д.

Все это было бы, *если бы* у насъ былъ прежній режимъ, будь онъ проклятъ.

Но такъ какъ Россія сейчасъ свободна, то все обстоитъ благополучно, и всѣ мы находимся на своихъ мѣстахъ.

Да здравствуетъ Россійская Республика! Да здравствуетъ Свобода!

Редакторъ: **А. Т. Аверченко.**
Издатель: **Т-во „Н. Сатириконъ“.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
5-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 5-й годъ изданія.
„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.
ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.
ПОДПИСН. . ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб. съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 на 1 мѣс. 95 коп.
ЦѢНА за объявленія — нонпарель 1 строка 80 коп.
Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 64. Телефонъ 644-56.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ? ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА. Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22. Комфортабельные кабинеты. Ресторанъ открытъ до 11 час.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ.

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

1) **Осиновый колъ** на могилу зеленаго змія. Цѣна **1 р. 50 к.**
2) **Теплая компанія** (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна **1 р. 25 к.**
3) **Письмовникъ „Нов. Сатирикона“** съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцовальн. разговоровъ. Цѣна **1 р. 25 к.**
4) **Физіологія и анатомія человѣка** съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна **1 р. 50 к.**
5) **Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами.** Цѣна **1 р. 50 к.**
6) **„Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“.** Цѣна **1 р. 50 к.**

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й. **Ал. Гринъ. Происшествіе въ улицѣ Пса.** Цѣна **50 к.**
„ 2-й. **Гр. Алексѣй Толстой. Оріонъ.** Цѣна **50 к.**
„ 3-й. **Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры.** Цѣна **50 к.**
„ 4-й. „ „ **Записки полицейскаго пристава.** Цѣна **50 к.**

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миніатюръ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миніатюры.
Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 — **Аркадій Аверченко.**
№ 13 — **Тэффи.**
№ 14 — **Г. Ландау.**
№ 15 — **Аркадій Аверченко.**
№ 16 — **О. Л. Д'Оръ.**

Спеціальные выпуски дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Тэффи.

Зарево жизни.
Житье-бытье.

О. Л. Д'Оръ.

Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. Книготорговцамъ — скидка обычная.

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Рис. А. Радакова.

Сатириконъ: — Что ты, родненькая, будто послѣ болѣзни?

Россія: — И не говори! Отъ всѣхъ болѣзней только „ромашкой“ меня и лѣчили!.. Вотъ, слава Богу, новое средство нашла!